

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XXIV

1886

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

ПОМОРЪ-ФИЛОСОФЪ.

СМАТРИВАЯ, въ мартѣ 1885 года, собраніе славяно-русскихъ рукописей ¹⁾ Андрея Александровича Титова, въ Ростовѣ (Ярославской губерніи), я невольно остановился передъ изображеніемъ масляными красками почтеннаго старца, представленнаго на полотнѣ въ простой избѣ съ необыкновенною обстановкою.

— Кто это?—спросилъ я у моего руководителя.

— Прочтите подпись подъ портретомъ.

«Се мудрый философъ и правой вѣры членъ:
Андрей Денисовъ сей отвѣтами почтенъ».

— Знаменитый основатель Поморской обители на рѣкѣ Выгѣ, составитель «Поморскихъ» отвѣтовъ на вопросы іеромонаха Неофита?

— Такъ точно. Обратившее на себя ваше вниманіе, изображеніе Андрея Денисова составляетъ точную копию съ подобной же

¹⁾ Въ этомъ собраніи, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, насчитывается въ настоящее время болѣе 3,000 рукописей. Въ двухъ первыхъ выпускахъ (1881 и 1884) «Охраннаго каталога славяно-русскихъ лѣтописей А. А. Титова» перечислены, съ краткими указаніями, 1,680 рукописей. Это собраніе, на которое г. Титовымъ употреблено немало труда и за которое переплачено имъ много денегъ, хранится для большей безопасности въ кладовой, подъ сводами, въ стѣнѣ Ростовскаго кремля, нанимаемой г. Титовымъ. Въ 1885 году, ученый іеромонахъ Троицко-Сергіевой лавры, Леонидъ, приступилъ къ подробному описанію собранія рукописей г. Титова. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ его рукописей находится знаменитый «Греко-славяно-россійскій словарь» Епифанія Славинецкаго, дидакала XVII вѣка, бывшаго справщикомъ книгъ Печатнаго Двора. Рукопись эта тщательнаго письма, близкаго къ печатному, едва ли не писана самимъ Епифаніемъ на 1320 листахъ, каждый листъ въ два столбца крайне убористаго, мелкаго почерка.

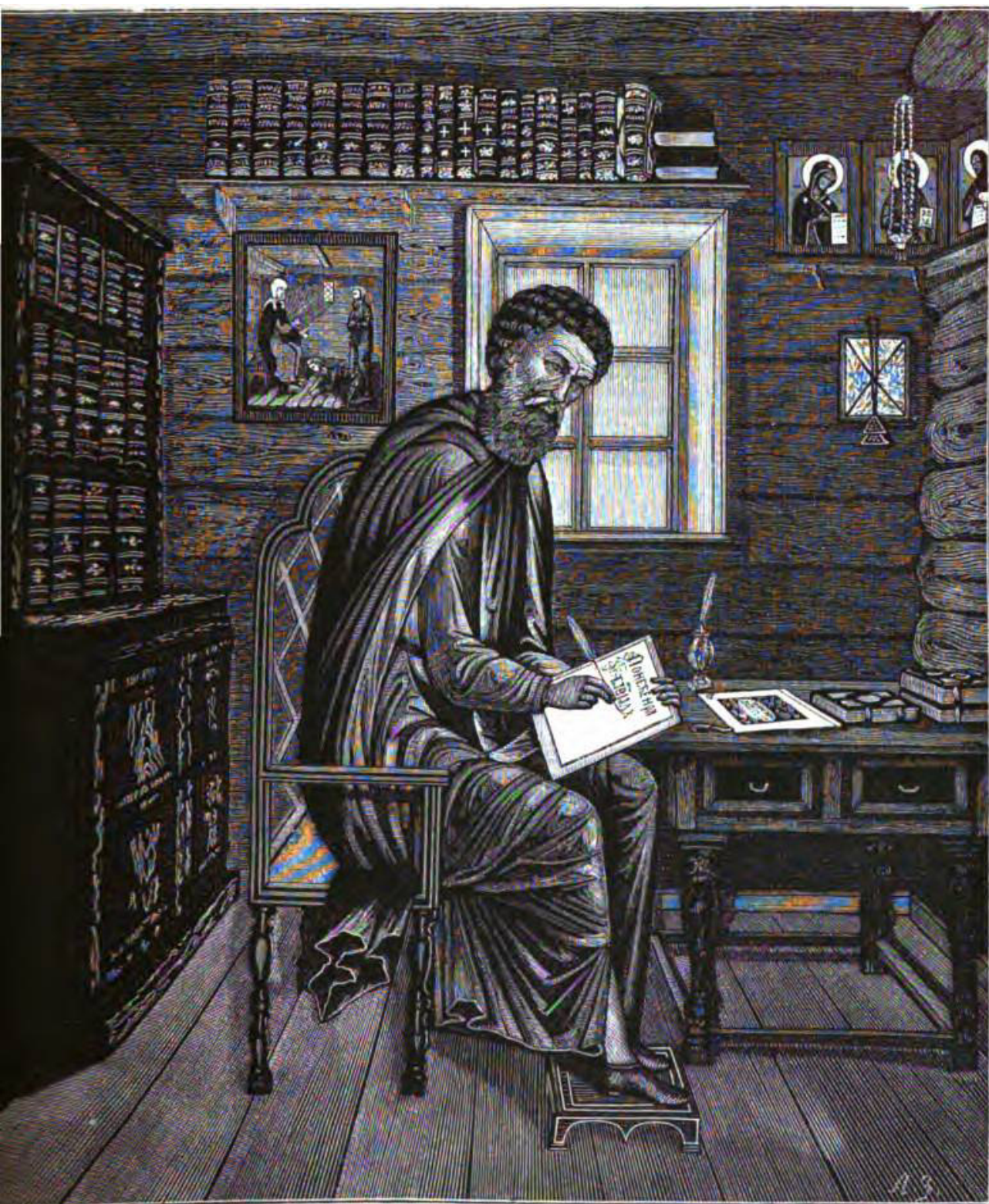
картины, полученной изъ одного поморскаго скита. Подлинникъ исполненъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Почти у каждаго поморца можно найти въ домѣ подобное изображеніе, которое почитается ими какъ икона. Хотя поморцы пишутъ Андрея Денисова безъ вѣнца, но имѣютъ къ нему особенное почтеніе, а нѣкоторые изъ нихъ почитаютъ его даже за святаго и молятся на его изображеніе.

Краткія свѣдѣнія объ Андрѣ Денисовѣ можно найти въ словарѣ митрополита Евгенія (изданія Погодина, 1845 г.), въ «Историческомъ словарѣ старовѣрческой школы Павла Онуфріева Любопытнаго» («собранныя» имъ въ Петербургѣ, въ 1828—1829 г.) и въ сдѣланной нынѣ довольно рѣдкою книгѣ, имѣющей слѣдующее длинное заглавіе: «Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви Сопествія Святаго Духа, что на Большой Охотѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ»¹⁾. Сверхъ того, А. А. Титовъ далъ мнѣ, для пополненія біографическихъ данныхъ объ Андрѣ Денисовѣ, находящуюся въ его собраніи рукопись подъ № 2,489, автора-поморца, написавшаго «Житіе и жизнь премудраго древняго благочестія учителя, блаженнаго отца Андрея Діонисіевича, иже тридо подвижнѣ написа за древнее святое благочестіе преславныя книги отвѣтвенныя, едину противъ нижегородскаго епископа Питирима, другую же противъ вопросовъ присланнаго отъ синода іеромонаха Неофита»²⁾.

Андрей Денисовъ хотя и родился, по словамъ митрополита Евгенія, въ селѣ Повѣнцѣ (нынѣ городѣ) Олонецкой губерніи, отъ простолюдина Діонисія, однако послѣдній происходилъ изъ рода князей Мышецкихъ, какъ свидѣлствуютъ: Павелъ Любопытный, протоіерей Іоанновъ и неизвѣстный авторъ поморской рукописи. Во время смутъ, терзавшихъ Россію въ самомъ началѣ семнадцатаго столѣтія, особенно во времена самозванцевъ, многіе достаточные, именитые люди побросали свои родныя мѣста и скрывались, гдѣ только могли. Въ числѣ ихъ оказался одинъ изъ новгородскихъ помѣщиковъ, князь Борисъ Александровичъ Мышецкій, который, при царѣ Василии Шуйскомъ, оставивъ свои вотчины, ушелъ въ Заонежскую поморскую область, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ, скрылся тамъ и умеръ въ монашествѣ, въ «лѣсожитель-

¹⁾ Изданіе третье (С.-Петербургъ, при императорской Академіи Наукъ 1799 года), съ нѣсколькими гравированными изображениями поморцевъ, поповщинскихъ чернецовъ, черницъ и проч. Протоіерей Іоанновъ, до соединенія съ православною церковью, принадлежалъ, по его словамъ, къ беспоповщинѣ.

²⁾ Въ бібліотекѣ графа Уварова, въ Порѣчѣ, имѣется тотъ же самый списокъ объ Андрѣ Денисовѣ, но исполненный ранѣе даннаго мнѣ А. А. Титовымъ. Въ послѣднемъ списокѣ 410 страницъ убористаго письма.

Андрей Денисовъ.

Съ стариннаго портрета масляними красками, принадлежащаго А. А. Титову.

номъ сельцѣ, называемомъ Пудожская Гора». Главною причиною бѣгства князя Бориса Мышецкаго было нежеланіе его цѣловать «крестъ за чужеземныхъ кралей». Сынъ его, князь Иванъ Борисовичъ, былъ первоначально священникомъ, а скончался инокомъ подъ именемъ Іоны. Дѣти его, Порфирій (священникъ) и Евстахій, поселились уже въ селѣ Повѣнцѣ, бывшемъ тогда убогимъ еще мѣстомъ жительства. Сынъ Порфирія, Яковъ, не смотря на свое княжеское происхожденіе, воспитавъ своихъ дѣтей Прокофія и Діонисія въ невѣжествѣ, сдѣлалъ изъ нихъ какъ бы крестьянъ. У Прокофія былъ сынъ Петръ, а у Діонисія сыновья Андрей и Семень. По воспитанію и образу жизни Діонисія, митрополитъ Евгенийъ и назвалъ отца Андрея Денисова простолюдиномъ. Въ нихъ выродилась одна отрасль стариннаго дома князей Мышецкихъ, потому что почти одновременно на Олонцѣ былъ воеводою князь Терентій Васильевичъ Мышецкій. Вообще вымираніе многочисленнаго рода князей Мышецкихъ совершилось преимущественно переходомъ ихъ въ мелкопомѣстные дворяне, въ однодворцы, крестьяне.

Выходъ князей Мышецкихъ изъ новгородскихъ своихъ вотчинъ и поселеніе ихъ въ пустынномъ, лѣсистомъ Олонецкомъ краѣ, гдѣ они дѣлались священниками и иноками, а потомки ихъ учителями и распространителями раскола, не составляетъ единичнаго или исключительнаго факта въ исторіи нашего дворянства. Изъ смоленскихъ вотчинъ, напримѣръ, бѣжали въ заволжскіе лѣса нынѣшняго Семеновскаго уѣзда Салтыковы и Потемкины и основали тамъ свой скитъ, отъ котораго нынѣ остались только двѣнадцать надгробныхъ камней, на урочищѣ, прозванномъ «Смольяны». Въ XVIII столѣтіи, въ Комаровскомъ скиту, въ томъ же уѣздѣ, княжною Болховскою была основана обитель Бояркина, названная такъ потому, что была основана боярынею и первоначально состояла только изъ боярышенъ. Въ Оленевскомъ скиту одна обитель была основана родственницею св. Филиппа митрополита, Анфисою Колычевою. Галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, со своею племянницею, Ѳедосьею Ѳедоровною Сухониною, въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, основали на рѣкѣ Козленецъ Улангерскій скитъ¹⁾. Всѣ эти скиты были старообрядческіе.

Діонисій, женатый на Марѣ, жилъ у Повѣнца, на берегу Онежскаго озера и скончался въ глубокой старости, девяноста лѣтъ отъ роду. Митрополитъ Евгенийъ относитъ рожденіе его сына Андрея къ 1675 году, а Павелъ Любопытный къ 1674 году. Это было время скопленія въ архангельскихъ и олонцкихъ лѣсахъ непокорныхъ раскольниковъ, которые скрывались въ нихъ отшельниками въ пустынныхъ мѣстахъ, или соединялись вмѣстѣ на жительства въ скиты. Авторъ поморской рукописи называетъ родите-

¹⁾ См. «Въ лѣсахъ», Андрея Печерскаго, ч. II, стр. 5.

лей Андрея Денисова «честными», а самого Діонисія «благоразумнымъ мужемъ». Родители и воспитали своего сына «не только бо млекою елико молитвами, не только хлѣбомъ, елико молебными прошеніями». Крестилъ Андрея отецъ Игнатій Соловецкій, подвизавшійся въ то время близъ Повѣнца. По словамъ поморскаго лѣтописца, Игнатій Соловецкій крестилъ «первѣе блаженнаго Андрея, послѣди же и родителя его крести», такъ какъ «Господь Богъ не допустилъ, чтобы такой свѣтильникъ и церковный учитель, да и родители его были бы лишены древлеправославнаго благовѣрія». Велеумный Андрей,—повѣствуетъ далѣе лѣтописецъ— росъ тѣломъ, преуспѣвалъ мудростью, имѣлъ нравъ добрый и житіе его было украшено добродѣтелью; воздерживался присно отъ дѣтскихъ глумленій, оставался благоразумнымъ и въ повиновеніи родителямъ. Андрей увлекался къ книжному ученію, почему родители и дали ему въ поученіе святыя книги. Дѣйствительно мальчикъ оказался разумнымъ и острымъ не по лѣтамъ. Онъ день и ночь проводилъ надъ данными ему книгами, такъ что пяти лѣтъ отъ роду зналъ «всѣ книги до конца читать и писать».

Подъ вліяніемъ среды, окружавшей Андрея Денисова въ его родительскомъ домѣ, преисполненной ненависти и злобы къ порядкамъ, исходившимъ изъ Москвы, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о ссылкѣ епископа Павла Коломенскаго въ Палеостровскій монастырь, о разгромѣ гнѣзда раскола въ Соловецкомъ монастырѣ, о добровольномъ самосожженіи въ Заонежскомъ краю нѣсколькихъ тысячъ людей, не желавшихъ покориться никоновскимъ новшествамъ, — нѣтъ ничего удивительнаго, что, одаренный отъ природы недюжинными дарованіями, молодой Андрей Денисовъ, при своемъ меланхолическомъ и угрюмомъ характерѣ, предпочелъ уйдти въ олонецкіе лѣса и посвятить себя отшельнической жизни. Намѣреніе свое онъ исполнилъ, въ декабрѣ 1692 года, слѣдовательно на восемнадцатомъ году жизни, для чего и ушелъ изъ дома отца съ товарищемъ своимъ, Иваномъ Бѣлоутовымъ. Всю зиму они бродили по лѣсамъ, а весною, избравъ мѣсто между двумя озерами, Тагомъ и Бѣлымъ, устроили себѣ тамъ келію при одномъ ручьѣ. Оставленіе Андреемъ Денисовымъ родительскаго дома и удаленіе его въ пустынножителство еще болѣе сблизило его съ отшельниками, уединившимися въ олонецкихъ лѣсахъ. Особенно обратилъ на него вниманіе Даніилъ Викуличъ, бывшій до тридцатилѣтняго своего возраста дьячкомъ въ Шунскомъ и другихъ новгородскихъ погостахъ. Послѣ своего пребыванія на Поморьѣ, въ Архангельской губерніи, Даніилъ Викуличъ, по совѣту соловецкихъ и иныхъ старцевъ и отшельниковъ, основалъ, въ 1684 году, на рѣкѣ Выгѣ Боровскую пустынь. Въ эту пустынь Даніилъ Викуличъ и переманилъ Андрея Денисова. Ихъ соединеніе имѣло послѣдствіемъ тѣснѣйшее сближеніе съ другими пустынниками, жив-

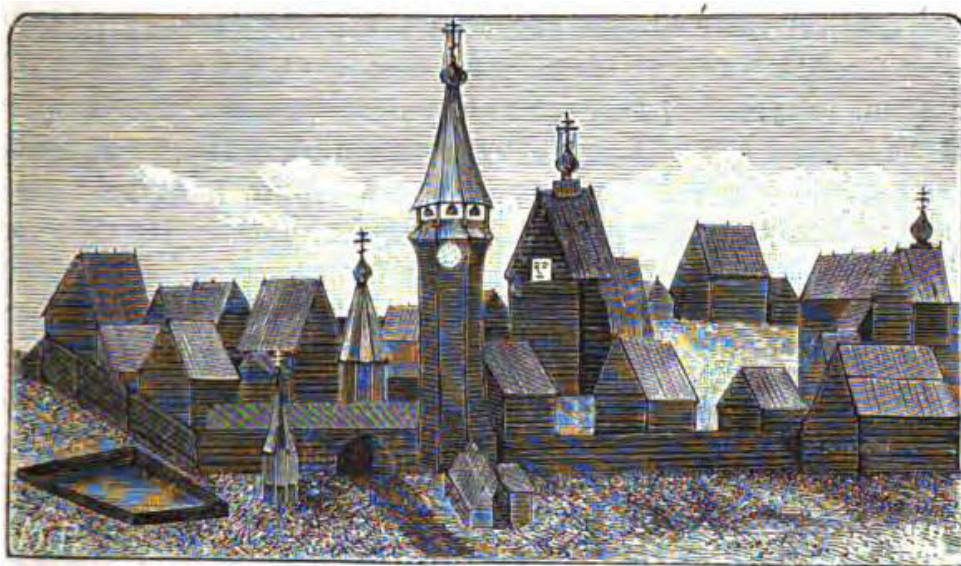
шими на Выгѣ, Захаріемъ и наиболѣе всѣми уважаемымъ въ то время отцомъ Корниліемъ, изъ Ниловой пустыни, который побудилъ ихъ всѣхъ поселиться въ одномъ мѣстѣ для общежитія. По словамъ поморскаго лѣтописца, «отпуская ихъ, святой старецъ (т. е. Корнилій) глаголаъ: къ Даніилу, ты да будешь собранному тобою стаду щедрый отецъ и настоятель; Андрею же рѣче: ты буди имъ судія и учитель». Это общежитіе учреждено было, въ 1695 году, въ осень послѣ Покрова Богородицы. Такимъ образомъ¹⁾ основался знаменитый у поморцевъ Выгорѣцкій скитъ для мужчинъ и женщинъ. Побывавши, между тѣмъ, въ родительскомъ домѣ, Андрей Денисовъ сманилъ къ иноческой жизни двадцатилѣтнюю сестру свою, Соломонію, которая умерла въ 1735 году настоятельницею женскаго скита на рѣкѣ Лексѣ, основаннаго ея братомъ въ 1705 году, въ двадцати верстахъ отъ Выгорѣцкаго или Выговскаго скита, гдѣ мужскія и женскія кельи были раздѣлены только деревянною стѣною. Отецъ Андрея, Діонисій, узнавъ объ уходѣ дочери, сильно разгнѣвался на сына, но въ 1697 году не только примирился съ нимъ, но и переселился къ нему, въ монастырь, на жительство съ женою и со всѣми дѣтьми. Въ этомъ же году, въ Выговскій скитъ пришелъ изъ Соловецкаго монастыря монахъ Пафнутій, который началъ постригать мужчинъ и женщинъ въ монашество, устроилъ надлежащимъ образомъ весь монастырскій чинъ и завелъ школы для обученія, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, чтенію, пѣнію и письму. До отдѣленія женскаго скита отъ мужскаго, въ 1706 году²⁾, въ Выговскомъ монастырѣ жило до 150 иноковъ и инокинь, сверхъ другихъ людей, поселившихся около отшельниковъ.

Важнымъ событіемъ въ исторіи Выговскаго скита, упрочившимъ его существованіе, было посѣщеніе его императоромъ Петромъ Великимъ, въ 1702 году. Бывая на Петровскихъ заводахъ въ Олонецкомъ краѣ, императоръ заѣхалъ въ Выговскій скитъ, разрѣшилъ его жителямъ свободно исповѣдывать свою вѣру, но только приказалъ приписать ихъ къ работамъ на Повѣнецкихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, которые тогда имъ созидались. Почему же выговскимъ поморцамъ императоръ Петръ оказалъ подобное снисхожденіе, когда съ его же вѣдома епископъ Питиримъ огнемъ и мечемъ уничтожалъ расколъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ? Поморцы объясняютъ это недоумѣніе связями Андрея Денисова не только съ вельможами, бывшими близкими ко двору, но и покровительствомъ, которое ему при дворѣ оказывали, по его происхож-

¹⁾ Въ 800 верстахъ отъ Новгорода, въ 40 верстахъ къ востоку отъ Онежскаго озера, при впаденіи рѣчки Сосновки въ рѣку Выгъ.

²⁾ По поморскому лѣтописцу; по митрополиту Евгенію въ 1705 году, въ которомъ году скончался Діонисій, отецъ Андрея.

денію отъ князей Мышецкихъ. Сверхъ того, по ихъ словамъ, Андрей Денисовъ былъ лично извѣстенъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, которая вела съ нимъ переписку, такъ что въ Выгорѣцкомъ монастырѣ ¹⁾ сохранялись ея собственноручныя къ нему письма. Но такія сношенія одного изъ настоятелей Выгорѣцкаго монастыря съ царевною, бывшею уже въ опалѣ при его посѣщеніи императоромъ Петромъ, скорѣе имѣли бы совершенно иной результатъ для монастыря, чѣмъ то благоволеніе или снисхожденіе, которое оказано ему было государемъ. Скорѣе можно предполагать, что Петръ Великій, любившій умныхъ русскихъ людей, къ какому сословію они ни принадлежали бы, увлеченъ былъ своими бесѣдами съ развитымъ и начитаннымъ Андреемъ Денисовымъ ²⁾. Несомнѣненъ, однако,

Старобрядческая Выгорѣцкая пустынь въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкаго современнаго иконописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

тотъ историческій фактъ, что Андрей Денисовъ толковалъ псалтирь царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ, причемъ присутствовала обыкновенно ея дочь, Анна Іоанновна, которая и вспомнила объ Андрѣ Денисовѣ, когда сдѣлалась императрицею. Митрополитъ Евгеній слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его нравственную сторону: «Одаренный отъ природы пронизательнымъ умомъ и способностью слова и приобрѣвъ прилежнымъ чтеніемъ книгъ обширныя свѣдѣнія въ древностяхъ россійской церкви, онъ чувствовалъ, что ему недостаетъ только знанія правилъ грамматики, логики и рито-

¹⁾ См. «Полное историческое извѣстіе», протоіерея Іоаннова, стр. 115.

²⁾ Начальникъ олонецкихъ горныхъ заводовъ, Гейнингъ, былъ также благосклонно расположенъ къ Выгорѣцкому монастырю и, по его ходатайству передъ Петромъ I, Данилъ Викуличъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи.

рики. Но въ Москвѣ и въ Кіевѣ онъ нашель себѣ учителей въ этихъ наукахъ и самъ сталъ сочинять и говорить въ скитахъ краснорѣчивыя поученія. Послѣ чтенія въ собраніи бесѣдъ св. отцовъ, онъ присовокуплялъ иногда и свои сладкорѣчивыя словоученія. Онъ выучилъ этимъ наукамъ брата своего Симеона, уставщика (эклесіарха) Петра Прокофьева и другихъ, которые всѣ помогали ему въ сочиненіи расколоучительныхъ тетрадокъ, рассылавшихся къ единомышленникамъ по всей Россіи».

Гораздо восторженнѣе отзывается объ Андрѣѣ Денисовѣ Павелъ Любопытный въ своемъ словарѣ. Онъ говоритъ, что это былъ «поморской церкви знаменитый членъ, мужъ ученѣйшій, высокихъ талантовъ, твердаго духа и дивной памяти, примѣрной добродѣтели, первый образователь Выгорѣцкой киновіи и украситель церковнаго благолѣпія, славный писатель и строгій дѣятель нравственности, первый и единственный побѣдитель бывшей бури и лютаго никоніасма, твердый признатель вѣчности брачнаго бытія въ Христовой ¹⁾ церкви. Онъ, будучи знатный политикъ, былъ собесѣдникъ царскаго двора и высокихъ особъ іерархіи и другъ великихъ вельможъ; писатель Діаконовыхъ отвѣтовъ противъ Питирима, нижегородскаго епископа. Славный мужъ во всѣхъ концахъ Христовой церкви и знаменитый въ отличномъ кругѣ внѣшнихъ особъ, просвѣтившій благочестіемъ многія страны и обезсмертившійся своими доблестями во всей пространной Россіи, управляя славно своею киновіею непрерывно двадцать семь лѣтъ». Эльпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, признавая Андрея Денисова глубокимъ знатокомъ археологіи, намѣренъ, какъ онъ мнѣ сообщилъ, на слѣдующемъ археологическомъ съѣздѣ, прочитать свой докладъ «Объ Андрѣѣ Денисовѣ, первомъ археологѣ Россіи».

По отдѣленіи женскаго скита отъ мужскаго, главнымъ начальникомъ и наставникомъ надъ обоими скитами сталъ Даниилъ Викулъичъ, а помощникомъ его былъ Андрей Денисовъ, который преимущественно занимался хозяйственными дѣлами монастыря. Ихъ обоихъ, впрочемъ, было принято называть настоятелями. Заботъ о хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря, объ его устройствѣ и снабженіи всѣмъ необходимымъ, было въ первые годы немало. Инокамъ и инокинямъ приходилось жить очень скудно. Иконъ и книгъ въ часовнѣ скита было мало, колоколовъ вовсе не было, такъ что къ службамъ звонили, или, вѣрнѣе, били въ доску. Дороги въ скитъ не было, такъ что ходили въ него на лыжахъ съ карежами. Годами хлѣба на монастырскихъ пашняхъ не успѣвали отъ раннихъ заморозковъ, такъ что въ пропитаніи самомъ необходимымъ нуждались. Въ иной день, пообѣдавъ, монашествующіе не знали, бу-

¹⁾ У Павла Любопытнаго подъ словами «Христовой» церкви слѣдуетъ понимать «поморской» церкви.

дуть ли ужинать, и часто дѣйствительно оставались безъ ужина. Въ одинъ изъ такихъ недородныхъ годовъ, для устраненія угрожавшаго голода, монахи устроили на рѣкѣ Выгѣ, въ шести верстахъ отъ своей обители, мельницу съ толчеею, на которой стали сѣчь ржаную солому и толочь ее на муку. Изъ подобной соломенной муки, примѣшивая ее къ ржаному раствору, они пекли себѣ хлѣбъ, но какъ онъ не держался въ караваѣ, то помеломъ его пахали изъ печи въ бураки и короба. Такая нужда заставила искать себѣ хлѣба по другимъ мѣстамъ. Вслѣдствіе того Андрей Денисовъ посланъ былъ съ людьми на Волгу, въ Нижній, на промыселъ хлѣба, потому что тамъ въ то время ржаной хлѣбъ былъ до того дешевъ, что за четверть платили двѣ гривны. Добрые люди помогли Андрею Денисову; часть хлѣба была имъ куплена для монастыря, а частью онъ былъ пожертвованъ ему доброхотами. По словамъ поморскаго лѣтописца, въ концѣ семнадцатаго и началѣ восемнадцатаго столѣтій, путь для перевозки хлѣба съ Волги на сѣверный берегъ Онежскаго озера былъ слѣдующій: водою хлѣбъ привезенъ былъ въ Бадюги, оттуда на Вытегру¹⁾, изъ Вытегры въ Пигматку, причемъ лѣтомъ хлѣбъ шель водою на суднѣ. Изъ Пигматки въ монастырь монахи переносили рожь на своихъ спинахъ.

Неоднократныя поѣздки Андрея Денисова по главнымъ городамъ Россіи, по дѣламъ своего монастыря, увеличили количество пожертвованій, доставили ему знакомство и связи, и послужили къ обогащенію его ума новыми знаніями. На этихъ поѣздкахъ онъ и выучился въ Москвѣ и Кіевѣ грамматикѣ, логикѣ и риторикѣ. Онъ покупалъ чрезъ своихъ монаховъ хлѣбъ на данныя ему купцами деньги въ низовыхъ городахъ, по Волгѣ, доставлялъ его въ Петербургъ, и барышами отъ этого торговаго оборота обогащалъ свой монастырь. Честность его операцій внушала къ нему всеобщее довѣріе. Посѣщая разные города для сбора подаяній, Андрей Денисовъ покупалъ старинныя книги, рукописи, иконы, осматривалъ старопечатныя книги, если не могъ ихъ приобрѣсти, а также осматривалъ кресты, чудотворныя иконы, мощи и ихъ перстосложенія, собирая такимъ образомъ какъ можно болѣе матеріала для доказательства правоты своего ученія. Ѣздилъ онъ также по разнымъ монастырямъ. Отъ подобныхъ поѣздокъ Выгорѣцкій монастырь

---

¹⁾ Въ то время на Вытегрѣ стала усиливаться хлѣбная торговля и судопромышленность. Во время шведской войны, Петръ I прислалъ на Вытегру мастеровъ, чтобы строили суда по новому образцу, которыя могли бы ходить съ припасами въ море къ войскамъ. Въ Петербургъ хлѣбъ съ Волги шель тогда чрезъ Вытегру. Жители Выгорѣцкой обители также строили суда по новому образцу, данному Петромъ I, и продавали ихъ, или промышляли на нихъ доставкою товаровъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ они извлекали немалую отъ того для себя пользу.

богатѣлъ и усиливался. Препней скудости въ немъ уже не было. Монахи и монахини не только не питались хлѣбомъ изъ соломенной муки, но уже располагали въ своихъ обителяхъ скотными и конными дворами. Въ скиту находились искусные иконописцы, книгописцы, пѣвцы, знатоки древняго устава церковнаго и богатое собраніе старыхъ письменныхъ и печатныхъ, церковныхъ, учительскихъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, церковныхъ утварей и прочихъ древностей¹⁾. Естественнымъ послѣдствіемъ такой обстановки Выгорѣцкаго скита было то, что онъ сдѣлался могущественнымъ центромъ раскола не для одного Олонецкаго и Поморскаго края, но и для остальной Россіи.

Такъ какъ Петръ I неоднократно пріѣзжалъ на Олонецкіе заводы, для осмотра производившагося тамъ изготовленія разнаго оружія и снарядовъ, то настоятели Выгорѣцкаго монастыря, Даніилъ и Андрей, по совѣту съ остальною братіею, а равно съ выборными и съ Суземскимъ старостою, каждый разъ отправляли къ царю своихъ посланныхъ съ письмами и разными подношеніями. Эти подношенія состояли въ живыхъ оленяхъ и разнаго рода птицахъ. Иногда вмѣсто живыхъ подносили застрѣленныхъ. Однажды выговцы поднесли императору въ подарокъ пару рослыхъ быковъ. Петръ I милостиво принималъ отъ посланныхъ означенные подарки и вслухъ всѣмъ окружавшимъ его читалъ письма, присланныя изъ монастыря. «Въ то время, — пишетъ поморскій лѣтописецъ, — немало было съ разныхъ сторонъ клеветъ на Выгорѣцкую обитель, но императоръ не внималъ имъ».

Но, не смотря на такое милостивое отношеніе Петра I къ Выговскому монастырю, который воспользовался его благосклонностью и выстроилъ свои «постоялые хоромы и амбары» на Петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ, высшая духовная власть съ неудовольствіемъ взирала на возростающее на сѣверѣ значеніе этого центра раскола. Случай къ выраженію этой неблагоклонности вскорѣ представился. Въ 1715 году, въ первой трети декабря, въ Новгородъ пріѣхалъ братъ Андрея Денисова, Симеонъ, по дѣламъ своего монастыря. Главная цѣль его поѣздки заключалась въ пріобрѣтеніи для монастыря великихъ Мицей Четіихъ Макарьевскихъ. Хотя Симеонъ Денисовъ былъ снабженъ законнымъ паспортомъ, но его арестовали какъ лжеучителя и доставили къ тогдашнему новгородскому митрополиту Іову, которой приказалъ его заковать въ желѣзо и посадить въ тюрьму. Симеонъ Денисовъ просидѣлъ четыре года въ

¹⁾ Протоіерей Іоанновъ пишетъ, что онъ видѣлъ у безпоповцевъ много книгъ, подписанныхъ собственными руками благочестивыхъ особъ царской фамиліи, царевенъ, князей и княгинь, архіереевъ и патріарховъ, изъ древнихъ россійскихъ архіепископовъ; также много иконъ, крестовъ на престольныхъ, старинныхъ евангелій съ надписями лѣтъ, богатой утвари, сдѣланной царскимъ иждивеніемъ или богатыхъ благочестивыхъ бояръ.

заточеніи въ архіерейскомъ домѣ. «И великимъ томленіемъ мучиша страдалца и коварными вопросами о древнемъ благочестіи того испытоваша. А како той исповѣдникъ древнецерковное благочестіе защищаше, свидѣтель тому есть не ложенъ, премудрое его сочиненіе, поданное ему, митрополиту Іову», — пишетъ поморскій лѣтописецъ.

Вѣсть о заключеніи подъ стражу Симеона Денисова вызвала сильную горестъ въ Выгорѣцкомъ монастырѣ. Особенно печалилась сестра его, Соломонія, которая воспитала Симеона, оставшагося малолѣтнимъ послѣ смерти матери. «И убо заповѣда постъ по всѣмъ скитонаселеніямъ, уставиша на всякъ день по 300 поклоновъ полагати». Андрей Денисовъ отправился въ Петербургъ хлопотать у вельможъ объ освобожденіи его брата. Вѣроятно, дѣйствительно, у него были большія связи, если, по словамъ поморскаго лѣтописца, самъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ поѣхалъ въ Новгородъ просить за Симеона Денисова, но «коварствомъ рѣченнаго митрополита Іова прелукованъ бысть князь». Меншиковъ возвратился въ Петербургъ и рассказалъ своей женѣ о неуспѣхѣ своей поѣздки. Княгиня Меншикова, зная хитрость, употребленную митрополитомъ, отвѣчала своему мужу: «Дивлюсь я вашей великокняжеской свѣтлости, яко съ коликою свѣтлостью отъ царскаго величества осіяннаго тебѣ князя гнилоносый чернецъ, оболгавъ бѣднаго узника, яко бы твоей свѣтлости ругателя и твое сѣятельство скотиною нарекшаго». Не успѣвъ добиться освобожденія брата при помощи Меншикова, Андрей Денисовъ обратился къ «высокопревосходительному господину ландрихтеру Якову Никитичу Корсакову» и убѣдилъ его своимъ краснорѣчіемъ помочь ему въ бѣдѣ. Корсаковъ добился, что митрополитъ Іовъ со своимъ узникомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и что, во время шествія на пиръ, императоръ Петръ, увидѣвъ въ преддверіи палаты узника, спросилъ у него, кто онъ, откуда и какого званія. Симеонъ Денисовъ подробно рассказалъ обстоятельства своей жизни и «крестнымъ двуперстнымъ знаменіемъ показа себя быти древлецерковнаго благочестія ревнителя непреклонна. Самодержецъ же, похваливъ крестное знаменіе, рече: добре креститися». Затѣмъ у государя произошелъ разговоръ съ Симеономъ Денисовымъ о числѣ просфоръ, употребляемыхъ при божественной литургіи. За столомъ митрополитъ Іовъ обратился къ государю съ слѣдующими словами: «прикажи, государь, сего раскольника сжечь», но Петръ I ему отвѣчалъ: «прежде надлежитъ книги старыя истребить, тогда и сего юношу сжечь». Императоръ прибавилъ, что его безъ вины нельзя осудить, что несвѣдущему, ради своего стыда не слѣдуетъ вдаваться съ нимъ въ разсужденія, и не дозволилъ митрополиту мучить узника, хотя и не лишилъ права продолжать ему свои увѣщанія. Такимъ образомъ всѣ попытки Андрея Денисова освободить своего брата,

чрезъ сильныхъ тогда людей, не имѣли успѣха, и только послѣ смерти митрополита Иова Симеонъ былъ выданъ за деньги стражею его единовѣрцамъ и водою достигъ Выговскаго монастыря, проведя въ заточеніи около четырехъ лѣтъ.

Святѣйшій синодъ со своей стороны не могъ принять другой мѣры противъ Выгорѣцкаго центра старовѣрцевъ¹⁾, кромѣ отправки къ нимъ отеческаго увѣщанія, на что и послѣдовало согласіе императора Петра I, 22-го апрѣля 1722 года. Съ этою цѣлью на Олонецкіе Петровскіе заводы посланъ былъ іеромонахъ Неофитъ, свѣдущій въ церковныхъ правилахъ. Ему дана была инструкція, состоявшая въ 17-ти пунктахъ. Со своей стороны, Неофитъ написалъ 106 вопросовъ о правовѣрїи и передалъ ихъ чрезъ олонецкаго ландрата главнымъ наставникамъ Выгорѣцкаго монастыря. Когда тамъ узнали объ этой правительственной мѣрѣ, то во всѣхъ пустынножительствахъ предписаны были постъ и молитва, чтобы Господь Богъ помогъ имъ соблюсти свое благочестіе и на разглагольствіе съ іеромонахомъ Неофитомъ, на которое они потребованы были указомъ, «непостыднымъ явиться». На вопросы велѣно было написать отвѣты и съ ними явиться на разглагольствіе, въ концѣ декабря того же года; въ случаѣ же несоставленія отвѣтовъ или неприбытія на разглагольствіе, старовѣрцы должны были подлежать гражданской казни или покориться православной церкви.

Писать отвѣты на 106 вопросовъ принялъ на себя Андрей Денисовъ. Ему помогали братъ его, Симеонъ, и Трифонъ Петровъ. По словамъ поморскаго лѣтописца, Андрей Денисовъ писалъ преимущественно эти отвѣты въ Лексинскомъ скитѣ, куда онъ часто любилъ удаляться, предпочитая тамошнее уединеніе и безмолвіе. Тутъ же съ нимъ случилось и несчастіе. Однажды, онъ написалъ много «о святомъ трисоставномъ крестѣ и свидѣтельствомъ изъ священнаго писанія оное позлати». Затѣмъ онъ сталъ молиться и во время своихъ молитвъ вздремнулъ надъ тѣмъ, что написалъ. Вдругъ онъ проснулся отъ густаго дыма, наполнившаго его келію, и увидѣлъ, что отъ всего написаннаго осталась только пригорѣлая бумага, совершенно истлѣвшая. Отвѣты Андрея Денисова извѣстны подъ названіемъ «пустынножительскихъ», «выгорѣцкихъ», «олонецкихъ», «поморскихъ» и считаются у беспоповцевъ классическою книгою. Братъ его, Симеонъ, сверхъ того, написалъ два историческія сочиненія: одно о взятїи Соловецкаго монастыря при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и о убїенїи бывшихъ тамъ «мучениковъ» (т. е. мятежниковъ противъ царской власти), а другое «о страдальческой кончинѣ собратїи своихъ, отъ Аввакума происшедшихъ», казненныхъ за бунты и мятежи.

¹⁾ Павелъ Любопытный и поморскій лѣтописецъ называютъ беспоповцевъ старовѣрами и старовѣрцами, а поповщинцевъ старообрядцами.

Андрей Денисовъ скончался 1-го марта 1730 года, на 56-мъ году жизни. По разсказу поморскаго лѣтописца, смерть ему была предсказана одною юродивою, Ириною, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Андрей Денисовъ, незадолго передъ своею кончиною, находился въ Лексинскомъ женскомъ монастырѣ и бесѣдовалъ тамъ «съ нѣкоторыми благоизбранными постницами о цѣломудренномъ постническомъ пребываніи». Затѣмъ, онъ поникъ головою и сказалъ: «А все у меня не выходитъ изъ головы скорое пресѣченіе жизни, въ такой юности преставившагося государя Второго Петра Алексѣевича». Услышавъ эти слова, повѣнецкая юродивая Ирина, имѣвшая обыкновеніе часто бывать въ келіи настоятеля, сказала:

Старообрядческая Лексинская пустынь въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкаго современнаго иконописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

«намъ, отче, тебя жаль», а потомъ вторично: «намъ тебя жаль». Андрей Денисовъ, помолчавъ немного, причемъ лицо его приняло горестное выраженіе, отвѣчалъ ей: «О свѣтъ, Ирина, ты мнѣ предвѣщаешь смерть, а я еще имѣю намѣреніе, если Богъ благословитъ, по разлитіи нынѣшнихъ весеннихъ водъ, ѣхать въ Москву, гдѣ меня ждутъ для нѣкоторыхъ благословныхъ случаевъ. А ты мнѣ смерть предвѣщаешь!» Ирина, прослезившись, въ третій разъ ему сказала: «намъ, отче, тебя жаль». Послѣ этихъ словъ, Ирина вышла изъ келіи настоятеля.

Митрополитъ Евгеній говоритъ, что Андрей Денисовъ скончался отъ апоплексическаго удара. Въ поморской рукописи болѣзнь его описана иначе. На третьей недѣлѣ великаго поста, въ четвергъ, послѣ обѣдни, онъ опасно занемогъ, такъ что въ пятницу и субботу страдалъ сильною головою болью. При наступленіи вечерней

службы, вся братія отправилась на богослуженіе въ соборный молитвенный храмъ, а при Денисовѣ остался только келейникъ Іоаннъ Герасимовъ. Андрей Денисовъ лежалъ въ «великой скорби», но вдругъ всталъ съ своего одра и, зажгя своими руками двѣ свѣчи, поставилъ одну передъ образомъ Всемиловѣйшаго Спаса, а другую передъ иконою Пречистыя Его Матери, и, помолясь передъ ними, сказалъ Іоанну Герасимову, чтобы онъ поскорѣе кого нибудь послалъ за его сестрою Соломоніею. Онъ хотѣлъ еще кое-что сказать, но келейникъ уже не могъ разобрать сказаннаго ему. Къ умирающему собралась вскорѣ вся монастырская братья, пришли Симеонъ и Соломонія. Но Андрей Денисовъ, узнавъ ихъ и облобызавъ брата, ничего уже не могъ говорить и только крестился и смотрѣлъ на иконы. Въ три часа по полудни онъ скончался.

Павелъ Любопытный въ своемъ словарѣ перечисляетъ 119 сочиненій, принадлежащихъ перу Андрея Денисова, и присовокупляетъ къ тому слѣдующую ихъ характеристику: «Были его и другія изящныя творенія, ограждающія церковь Христову отъ лютости міра, никоніазма и поражающія враговъ и супостатовъ благочестія. Были прекрасныя посланія къ мѣстнымъ пастырямъ и благочестивымъ мужамъ о назиданіи Христова стада и благолѣпіи церкви. Тоже были его посланія занимательныя, живыя, любопытствомъ и краснорѣчіемъ дышущія къ царскимъ лицамъ, великимъ вельможамъ и архипастырямъ внѣшней церкви, никоніанамъ. Впрочемъ, къ сожалѣнію ученыхъ, всѣ они погибли то отъ лютости пожаровъ, то отъ грубаго невѣжества, то отъ тиранизма». По словамъ митрополита Евгенія, Андрей Денисовъ, въ похвалу епископу Петру Прокофьеву, умершему въ 1719 году, написалъ надгробное слово, въ которомъ описалъ всю исторію олонецкихъ раскольничьихъ монастырей и главныхъ ихъ заводчиковъ. Петръ Прокофьевъ былъ также славнымъ писателемъ. Онъ собралъ двѣнадцать книгъ мѣсячныхъ миней, составленныхъ изъ разныхъ поученій и жизнеописаній своихъ единомышленниковъ, которые ежедневно читались и читаются въ скитахъ.

Поморскій лѣтописецъ утверждаетъ, что Андрей Денисовъ зналъ въ совершенствѣ не только пустынный постнический уставъ, но также торговый, приказный, воинскій. Когда онъ бесѣдовалъ съ иноками о постническомъ уставѣ, о благоговѣйныхъ предметахъ, то онъ являлся имъ совершеннымъ инокомъ. Если же онъ рассуждалъ о купеческихъ дѣлахъ съ торговыми людьми, то онъ представлялся имъ не иначе, какъ опытнымъ, знающимъ купцомъ. Также точно Андрей Денисовъ, съ полнымъ знаніемъ предмета, могъ говорить съ приказными о приказныхъ дѣлахъ, съ земледѣльцами о земледѣліи. Бесѣдуя съ премудрыми учителями о премудрыхъ дѣлахъ, онъ имъ являлся не иначе, какъ мудрымъ ученымъ. Такія же глубокія познанія онъ высказывалъ и въ воинскихъ уста-

вахъ, когда рѣчь касалась о нихъ въ разговорахъ съ военначальниками. Подобныя всестороннія знанія его привлекали къ нему многихъ сторонниковъ, увеличивали его связи. Епископъ Теофанъ Прокоповичъ¹⁾, славный риторъ своего времени, неоднократно собственноручными письмами приглашалъ къ себѣ на собесѣдованія Андрея Денисова. Онъ сдѣлался извѣстенъ не только во всей Россіи, но и въ заграничныхъ государствахъ, куда проникали въ то время его сочиненія. Петрозаводскіе ландраты много разъ имѣли съ нимъ пространныя сужденія о политическихъ, гражданскихъ дѣлахъ и всегда удивлялись глубинѣ его познаній и здравому природному уму. Одинъ изъ нихъ, восхищенный однажды его сужденіями, воскликнулъ: «Если бы ты, Андрей Діонисьевичъ, былъ согласенъ съ великороссійскою церковью, то надлежало бы быть тебѣ патриархомъ».

Андрей Денисовъ былъ средняго роста, худощавъ; волосы на головѣ и на бородѣ были русые, кудрявые, украшенные небольшою сѣдиною; борода у него была круглая, подобная бородѣ Іоанна Златоустаго (выраженіе поморскаго лѣтописца); глаза были свѣтлые; брови приподнятыя, носъ продолговатый, немного горбатый. Это описаніе его совершенно сходно съ представленнымъ его изображеніемъ. Художникъ нарисовалъ Андрея Денисова за письменнымъ простымъ столомъ, пишущимъ одно изъ своихъ краснорѣчивыхъ посланій, которыя читались съ увлеченіемъ его единовѣрцами. Положеніе, данное фигурѣ Андрея Денисова, одежда его, занятіе представляютъ кое-что сходное съ изображеніемъ евангелистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все это сдѣлано художникомъ не безъ цѣли. Въ правомъ углу божница съ иконами; подъ нею лѣстовка. Книги на полкѣ, въ шкафу, на столѣ, свидѣтельствуютъ, что хотя мы видимъ передъ собою небольшую комнату, просто убранную, въ бревенчатомъ домѣ, однако въ этомъ скромномъ помѣщеніи хозяинъ оказывается мужъ начитанный, съ умомъ просвѣщеннымъ, владѣющій краснорѣчивымъ перомъ. Кресло, въ которомъ сидитъ Андрей Денисовъ, деревянная скамья подъ его ногами, одѣтыи въ тонкіе башмаки, дополняютъ собою обстановку, вѣрную картину которой взялся представить художникъ, чтобы воскресить въ памяти послѣдователей поморскаго учителя память о немъ. На стѣнѣ у окна виситъ картина, изображающая епископа Павла Коломенскаго, передъ которымъ находятся протопопы Аввакумъ и Иванъ Нероновъ. И эта картина оказывается необходимою принадлежностью комнаты Андрея Денисова, въ которой онъ работалъ надъ своими многочисленными сочиненіями. Андрей Денисовъ питалъ глубокое уваженіе къ Павлу Коломенскому, которое и выразилъ слѣдующими словами въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Былъ онъ у насъ яко

¹⁾ Теофанъ Прокоповичъ былъ сильнымъ покровителемъ Андрея Денисова.

нѣкій Моисей и Ааронъ, посланный Божиимъ изволеніемъ на утверждение новаго Израиля, то есть беззлюбивыхъ и богобоязливыхъ поморскихъ людей, идѣже, нѣкое время пребывъ, свободно поучаше народы, утверждая ихъ жити въ святоотеческомъ благочестіи и нововышедшихъ уставовъ никоновыхъ блюстися наказуя¹⁾.

Подобный выдающійся дѣятель, какъ Андрей Денисовъ, родившійся среди олонецкихъ лѣсовъ и всю жизнь дѣйствовавшій въ этомъ пустынномъ краѣ, обязанъ своимъ вліяніемъ на умы оторгшихся отъ православной церкви не столько своей безупречной жизни, сколько своимъ сочиненіямъ, которыя повсюду распространяли его мысли, его поученія, его наставленія. Они создали еще при его жизни такой ореолъ около его имени, который донинѣ заставляеть поморцевъ чтить его память и имѣть его изображенія въ своихъ помѣщеніяхъ²⁾.

Пав. Усовъ.

¹⁾ Выговская пустынь находится въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, въ 72 верстахъ отъ Повѣнца. Въ 1857 году, соборная молельня этой пустыни принята была въ вѣдѣніе православной церкви и обращена въ церковь Успенія Пресвятой Богородицы, а на мѣсто трапезы, составлявшей часть соборной часовни, устроенъ придѣлъ во имя св. Троицы.

²⁾ Портретъ Андрея Денисова, посланный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Петрозаводска Эльпид. Васил. Барсовымъ ректору Кіевской духовной академіи, архимандриту Филарету (въ послѣдствіи бывшему рижскимъ преосвященнымъ), далъ послѣднему мысль основать при академіи историческій музей. Мысль эта была осуществлена, и означенный музей принадлежит нынѣ къ числу наилучшихъ учрежденій этого рода.